
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеполитическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6

© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в «Erdeni-yin tobči» Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундужева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника «Mongolica»	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдорж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLOGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tengrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

Е. В. Бойкова

«Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность

Автор статьи анализирует цели, задачи и результаты двух экспедиций в Монголию, предпринятых А. Г. Белинским в начале XX в. после японско-русской войны, когда Россия и Китай усилили внимание к Монголии и активизировали в ней свою деятельность. На основании исследованных материалов Военно-исторического архива РФ автор приходит к выводу, что экспедиция имела отрицательный результат и нанесла вред отношениям между Россией и Монголией.

Ключевые слова: экспедиция, Монголия, монголы, китайцы, история, архив.

Во второй половине XIX в. начинается активное продвижение России в Азию, в том числе в Монголию. Представителям российского востоковедения принадлежит важная роль в изучении этой страны во второй половине XIX—начале XX в. После русско-японской войны и Россия и Китай заметно усилили свое внимание к Монголии, активизировав там свою деятельность. В этот период Монголию стали чаще посещать как гражданские, так и военные российские экспедиции, исследовавшие различные стороны жизни этой страны, но прежде всего интересовавшиеся политической ситуацией в Монголии, а также отношением правящих кругов и народа этой страны к России и к Китаю.

Во второй половине XIX—начале XX в. Монголию посетили, без преувеличения, десятки российских экспедиций — научных, научно-практических, торговых, военных и др. Эти экспедиции дали мировому монголоведению замечательных ученых, чьи имена до сих пор являются гордостью науки о Монголии [Бойкова, 2003]. Есть среди этих исследователей и такие, прежде всего военные, чьи имена только в последние годы стали появляться на страницах научных изданий [Басханов, 2005; Бойкова, 1998].

На этом фоне выделяются две экспедиции, привлечшие наше внимание именно тем, что, хотя их участники действительно побывали в Монголии, никаких практических результатов для России и для развития российско-монгольских отношений они не имели. Что же это за экспедиции?

В Военно-историческом архиве РФ хранятся материалы, озаглавленные «Об экспедиции А. Г. Белинского по Монголии» [ВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3688]. В Архиве внешней политики Российской империи нам удалось ознакомиться с двумя делами, посвященными

путешествию А. Белинского в Монголию [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2515, 2516]. Кто же такой был Александр Григорьевич Белинский и что это была за экспедиция, о которой ничего не известно в научном монголоведении?

В 1905 г. во время русско-японской войны А. Г. Белинский воевал на Дальнем Востоке. В 1907 г. он стал редактором-издателем журнала «Русский Путешественник» (Санкт-Петербург), просуществовавшего всего лишь год¹. На двери кабинета Белинского, по словам одного из членов будущей экспедиции — штабс-капитана запаса Бунина, была прикреплена табличка — «Бюро Средне-Азиатской экспедиции». По словам самого Белинского, ранее он уже принял экспедицию, которая была прервана войной.

Белинский называл свою экспедицию в Монголию торгово-промышленной и отмечал, что ее целью было исследование на месте «русских торговых операций и нужд монголов» [ВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3688, л. 10, 13]. Он предполагал начать экспедицию с Алтая. Готовясь к ней, Белинский вел с правительственными чиновниками переговоры, в первую очередь и главным образом о назначении ему правительственной субсидии для ее проведения. Видимо, ему все же удалось убедить чиновников в необходимости экспедиции и получить соответствующую финансовую поддержку, потому что в конце июня 1907 г. экспедиция была готова отправиться на Алтай, а затем в Монголию. Экспедиция не отправлялась в путь лишь потому, что Главный штаб и Министерство торговли и промышленности задерживали выдачу денег на ее проведение. Русское Географическое общество вообще отказалось выделить какие-либо суммы на проведение экспедиции, сославшись на отсутствие средств. Можно предполо-

жить, что Белинский не смог получить от авторитетных российских ученых рекомендации, необходимые для того, чтобы получить финансовую поддержку от РГО.

Не менее плачевной в материальном плане была ситуация и с другими ведомствами, обещавшими финансовую поддержку. Фактически, обещанных денег на проведение экспедиции Белинский получить не смог, но все же тронулся в путь вместе со своими соратниками — штабс-капитаном Буниным, купцом Н. Калгамановым и крестьянином Барнаульского уезда А. Котельниковым. В составе экспедиции были также несколько рабочих. Уже находясь на Алтае, Белинский нанял двух казаков.

Только в пути Белинский сообщил Бунину, что цель его поездки не Алтай, а Монголия, а основная задача — «подготовить восстание в Монголии». По словам Белинского, он говорил об этом с государем, и тот сказал: «Работайте, но не накурелесьте» [ВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3688, л. 9 об.]. Трудно представить, что Николай II мог столь откровенно говорить о такой деликатной проблеме, как политика России в Азии, и в частности в Монголии, с редактором малоизвестного журнала. Кроме того, Россия не была готова к тому, чтобы портить отношения с Китаем; добрососедские отношения были выгодны обоим государствам. Действительно, Россия не хотела и не собиралась ослаблять свои позиции в Халхе, понимая, что и Китай собирается закрепиться там, но в планы российской внешней политики не входило решение спорных вопросов силой.

Во время экспедиции у Белинского сложились очень непростые, напряженные отношения с ее участниками. Осложняло ситуацию и то обстоятельство, что члены экспедиции не занимались тем, чем обычно занимаются в экспедиции и к чему они, видимо, готовились, — собственно экспедиционной работой, т. е. сбором материалов, коллекций, опросами местного населения. По словам одного из членов экспедиции, это было «бесцельное брожение», «дикое, нелепое существование», которое всех утомляло и раздражало.

Все расходы экспедиции, расчеты с рабочими производились из средств штабс-капитана Бунина, который дважды отказывался от продолжения поездки, но Белинскому всякий раз удавалось уговорить его не бросать экспедицию. Затем расходы стал оплачивать Калгаманов, который при этом еще бесплатно выполнял обязанности переводчика.

Белинский активно продвигал собственный проект — создание торгово-промышленного синдиката, который, как он считал, был единственным способом спасти русскую торговлю в Монголии.

Единственное, чем участники экспедиции достаточно серьезно занимались, — это реализация главной ее цели, которую ставил и перед собой, и перед остальными Белинский: поддержка восстания монголов против китайцев. Члены экспедиции провели несколько осторожных военных разведок, которые, по их мнению, «давали надежду на несомненный успех, но

не в близком будущем» [ВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3688, л. 10 об.]. Из этого можно сделать вывод, что участники экспедиции, пусть даже не все, но большая их часть, поддерживали идею Белинского о восстании в Монголии. Но Белинский всячески пытался ускорить развитие событий. Поэтому Бунин и Калгаманов решили не переводить монголам всего, что говорил Белинский, так как его «дикость, необузданность и неразвитость могли привести к скорой развязке в худшую сторону» [ВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3688, л. 10 об.]. Бунин, вообще удивлявшийся, каким образом Белинский мог убедить кого-то в Петербурге, что он в силах реально сделать что-то в Монголии, считал его «смелым авантюристом, который обманул правительство и всех нас».

В то же время, Белинский умел производить очень хорошее впечатление на российских купцов и на монголов. В Улясутае, куда он добрался в декабре 1907 г., он неоднократно встречался с высшими представителями местной администрации — цзяньцзюнем, амбанем, джалхандза-гэгэном. Русским купцам Белинский рассказывал о необходимости создания Русского торгово-промышленного синдиката в Монголии для налаживания там российской торговли, а монголам говорил о важности своей миссии освободителя Монголии. На обратном пути и простые монголы, и чиновники всюду встречали членов экспедиции как освободителей Монголии, поднося им хадаки. Как сообщал в Главный штаб командующий войсками Омского военного округа генерал-лейтенант Надаров, агитация Белинского «имеет успех и может вызвать серьезные недоразумения с Китаем» [ВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3688, л. 12]. Белинский щедро обещал монголам, что Россия поможет им оружием и деньгами, хотя гарантировать их исполнения он, конечно же, не мог.

В январе 1908 г. Белинский выехал в Кош-Агач, продвигался медленно, в основном из-за отсутствия денег. Опасения генерала Надарова были не напрасны: Белинский и Бунин были арестованы в Кош-Агаче, на границе с Монголией, по подозрению в шпионаже [ВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3688, л. 4]. Арест стал результатом секретных переговоров Белинского с некоторыми представителями монгольских властей, во время которых он старался расположить к себе монголов, обсуждая вопрос о возможности освобождения их от китайцев. Об этих переговорах, конечно же, стало известно китайским властям.

Экспедиция Белинского создала множество проблем для государственных учреждений России. Вначале эти учреждения если и не помогали, то не мешали Белинскому в ее организации, однако когда он начал открыто говорить о своих «освободительных» планах в Монголии, Министерству иностранных дел и Генеральному штабу пришлось улаживать с китайскими властями последствия пребывания Белинского в Монголии. По мере решения этих проблем стало ясно, что никто не знает наверняка, кем был командирован Белинский в Монголию.

Причастные к экспедиции люди видели из создавшегося положения один выход — «парализовать

Белинского, выставив его перед монголами и китайцами за сумасшедшего», и тогда сами монголы выдворили бы его из страны и доставили бы в Россию. Основная проблема заключалась в том, что все свои действия Белинский совершал от имени российского государя; он много обещал, однако ничего, не имея никакой поддержки, не мог выполнить. Судя по архивным документам, вскоре Белинский и Бунин были освобождены и отправлены в Россию.

Но на этом «путешествия» Белинского в Центральную Азию не закончились. В 1912 г. он вновь направился в Монголию через Китай, по его словам, «с целью этнографических исследований, геологических изысканий и собирания коллекций» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2515, л. 1]. И на этот раз Белинский именовал себя начальником «Торгово-Промышленной Экспедиции в Монголию». Однако ни российское консульство, ни китайские власти не были предупреждены о командировании экспедиции.

Как писал в своем донесении российский консул в Кульдже, «во время следования Белинского были слухи, что он командирован с политической миссией к монголам. Виновником этих слухов, по дошедшим до меня сведениям, был отчасти сам Белинский» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2515, л. 1 об.].

И вновь у Белинского возникло немало проблем — с паспортом, который вызывал подозрение у китайской администрации, с требованиями к китайским властям удовлетворить его претензии и возместить убытки по экспедиции и т. д. И опять российские консульские работники должны были улаживать его проблемы.

Примечания

1. Журнал «Русский путешественник» начал издаваться в 1907 г. Всего вышло 32 номера; закончил он свое существование в том же, 1907-м, году.

Источники и литература

- АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 2515 (1912—1913) «Белинский. Псевдоэкспедиция».
- АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 2516 (1912) «Белинский в Кашгаре».
- ВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3688 (начато 1.3.1908, окончено 2.3.1915).
- Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М., 2005.
- Бойкова Е. В. Русская учено-торговая экспедиция в Китай (1874—1875). Материалы о Монголии // Altaica II. М., 1998. С. 18—26.

Сокращения

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

ВИА — Военно-исторический архив РФ.

Судя по документам Главного штаба Министерства обороны, Белинскому удалось доехать до Монголии в 1912 г. Более подробных сведений о его второй «экспедиции» в эту страну мы не имеем.

И первую и вторую экспедицию Белинского правильнее было бы назвать поездками, которые не ставили перед собой научных задач. Эти псевдоэкспедиции были подготовлены плохо, непрофессионально. Был ли Белинский авантюристом или энтузиастом — сказать трудно. Но ясно, что основная его задача, которую он сам на себя возложил, — «подготовить и организовать восстание монголов против китайцев», была абсолютной политической авантюрой.

На деле обе экспедиции были безрезультатны и с научной, и с практической точки зрения. Хотя можно сказать, что один результат — негативный — все же был: не скрывая своих намерений поднять монголов на восстание против китайцев, Белинский нанёс вред в первую очередь тем монголам, которые с пониманием и сочувствием отнеслись к его идее. И, несомненно, активная «революционная» деятельность Белинского отрицательно сказывалась на отношениях между Россией и Китаем.

Экспедиции Белинского в Монголию, несмотря на то что он действительно там побывал, не принесли никакой пользы ни науке, ни российско-монгольским, ни российско-китайским отношениям. Их смело можно назвать мифическими — они были, документы о них имеются, и в то же время их не было, так как не было никаких результатов. Память о них сохранили только архивные страницы.

Бойкова Е. В. Российские путешественники в Монголии во второй половине XIX—начале XX в.: взгляд на чужую культуру // Культурное пространство путешествий. Материалы научного форума. СПб., 2003. С. 73—75.

Boikova E. Russian Military Expeditions to Mongolia at the Beginning of the Twentieth Century (Русские военные экспедиции в Монголии в начале XX века) // Altaic Affinities. Proceedings of the 40th meeting of the Permanent International Altaistic Conference (PIAC). Bloomington, 2001. P. 150—155.

E. V. Boikova

The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality

The author analyzes the aims, tasks and results of two expeditions to Mongolia undertaken by A. Belinsky in the early 20 century. They were organized just after the Japanese-Russian War, when both Russia and China stepped up their attention to Mongolia and intensified their activities there. Basing on materials from the Military Historical Archive of the Russian Federation, the author draws a conclusion that the expeditions were negative in their results and damaged the relations between Russia and Mongolia.

Key words: Expedition, Mongolia, the Mongols, the Chinese, history, archive.